

СТОРИКО-ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ЛИЧНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Г. АСМОЛОВ

Современные исследования по психологии личности отмечены знаком «коперниканской» революции. В отечественной психологии в качестве точки отсчета при изучении человека берется тот «естественноисторический процесс» (К. Маркс) развития общества, в ходе которого только и возникает один из самых сложных феноменов социокультурной истории — феномен личности. Присущее марксистско-ленинской философии «коперниканское» понимание человека, ищущее ключ к разгадке феномена личности в процессах развития и функционирования породившей ее системы, Оттеснило «птолемеевское» понимание человека, мир которого замыкается в кругу индивидуального сознания или располагается под поверхностью кожи индивида. Подобная ориентация предполагает разработку историко-эволюционного подхода к личности, в центре которого стоят следующие вопросы: в чем необходимость возникновения личности как активного компонента тех или иных развивающихся социальных общностей? Какой эволюционный смысл социотипические, стереотипизированные и индивидуальные проявления личности несут в естественно-историческом процессе развития разных культур? Посредством каких психологических механизмов осуществляется вклад личности в социокультурную историю? Ответы на эти вопросы не только позволят пополнить представления о закономерностях развития личности в онтогенезе и социогенезе¹, но и дадут возможность отечественной психологии внести еще большую лепту в идеологическую борьбу с буржуазными концепциями личности. Критики марксизма с поразительным упорством распространяют мифы о том, что в марксистском учении об обществе человека забыли, растворили в социальных ролях, нормах и экономических характеристиках (см. об этом [15]). Подобного рода критика путает марксизм со структурализмом, провозгласившим пробуждение наук об обществе от «антропологического сна» и поставившим под сомнение сам факт существования и развития феномена личности. Так, один из лидеров структурализма Мишель Фуко заявляет: «...человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке» [31; 487].

В данной статье предпринята попытка очертить основные положения историко-эволюционного подхода к пониманию личности, показать необходимость возникновения феномена личности и его эволюционный смысл в естественно-историческом процессе развития общества, а тем самым избежать ограниченности таких полярных течений в изучении личности в зарубежной психологии, как персонализм и структурализм. Вначале мы дадим краткую характеристику общенаучной системной стратегии и конкретно-научной методологии, лежащей в основе историко-эволюционного понимания личности.

*

Общенаучной системной стратегии изучения человека в разных науках — социологии, истории, семиотике, этнографии, биологии развития и психологии — присуща тенденция, охарактеризованная В.П. Кузьминым как переход от моносистемного видения действительности к полисистемному знанию. «...Моносистемное знание, — пишет

В.П. Кузьмин, — сфокусировано на познании предмета (явления) как системы... Это знание системоцентрическое, направленное в основном на раскрытие внутренних механизмов и законов явления.

В отличие от него полисистемное знание нацелено на раскрытие системности самого мира, т.е. изучение действительности как многосистемной, а отдельного предмета — как «элемента» многих порядковых реальностей (систем) данной природной и общественной среды...» [20; 3—14]. Если человек рассматривается только через призму моносистемного видения действительности; то он и в биологии, и в социологии, и в психологии предстает как замкнутый автономный мир, взаимодействующий с другими столь же независимыми мирами — средой, обществом, вселенной. Вследствие такого моноцентризма мышление в науках о человеке оказывается заселенным бинарными оппозициями вроде схем «организм — среда», «личность — общество», «биологическое — социальное» и т. п. Не похожа ли незамысловатая операция, проделываемая моноцентрической «птолемеевской» логикой, на действия чудака, вырвавшего у себя самого глаз, чтобы разобраться в его устройстве, а затем, так и не узнав, для чего он нужен, пытающегося водворить его на место? Не точно ли так же порой в психологии индивида изымают из биологического вида «человек», личность — из общества, индивидуальность — из человеческого рода, а затем, после досконального перечня индивидуальных различий с точностью до сотысячного знака и даже не поставив вопроса о происхождении этих различий, индивида пытаются приставить к виду, личность вернуть в общество, через индивидуальность залатать возникший разрыв между биологическим и социальным?

И только тогда, когда человек в целом, его психика, его личность рассматриваются как элементы более широких порождающих их систем, изучение этих явлений начинает вестись в принципиально иных координатах, в иной, полисистемной, «коперниканской» логике анализа. Эта логика требует, во-первых раскрытия *целевой детерминации живых систем*, т. е. ответа на вопрос о том, «для чего?» возникает явление, наряду с характерными для традиционного естествознания вопросами «как происходит явление?» и «почему оно происходит?» (см. об этом [10]).

Во-вторых, эта логика требует *изучения феномена человека в процессе эволюции порождающей его системы*, т. е. привлечения данных о путях и общих закономерностях эволюционного процесса биологических, технических и социальных систем, природы и общества.

Еще в 40-х гг. один из основателей отечественной психологии С.Л. Рубинштейн (1940) для понимания развития психики в филогенезе и онтогенезе привлек представления о закономерностях эволюционного процесса, открытых в русле советской научной школы эволюционной биологии А.Н. Северцова и И.И. Шмальгаузена. Время показало, что идеи о закономерностях эволюционного процесса начинают успешно использоваться в этнографических исследованиях антропосоциогенеза (В.П. Алексеев, 1984) и развития культуры (Э.С. Маркарян, 1985), при анализе эволюции саморегулирующихся технических систем (В.И. Варшавский, Д.А. Поспелов, 1984), при изучении микрогенеза познавательных процессов в психологии (Д.Н. Завалишина, 1985).

Поэтому не случайно то, что в поисках ответа на вопрос о том, чем вызвана в ходе эволюции общественных систем необходимость возникновения феномена личности, нам придется не раз обращаться к столь разнородным концепциям, как теория эволюционирующих систем в биологии и представление о механизмах развития культуры в семиотике. Причина обращения к этим внешне не связанным подходам заключается в том, что в них обнаружены общесистемные закономерности, выходящие за границы тех или иных конкретных наук. Одна из функций общенаучного системного анализа как раз и состоит в том, что с его помощью из конкретных наук о природе и обществе вычлняются общие закономерности развития любых систем, и тем самым

перебрасывается мост, создается канал связи, между разными науками о человеке. Реализация положения о необходимости изучения человека в процессе эволюции

порождающей его системы предполагает, чтобы исследователь не просто говорил о развитии, а каждый раз ставил вопрос об эволюционном смысле возникновения того или иного феномена и о порождающей его системе, например: какой эволюционный смысл появления новых видов в биологической эволюции или разных этнических групп (племен, наций) в истории человечества? В чем эволюционный смысл возникновения новых органов в филогенезе определенного вида или формирования неповторимого характера в индивидуальном жизненном пути личности? Иными словами, изучение любых движущих сил развития биологических и социальных систем, динамики развития будет неполным до тех пор, пока не раскрыт тот эволюционный смысл для обеспечения которого, например, функционируют механизмы естественного отбора (см. об этом, например, [10], [32]).

Вопрос о движущих силах развития различных систем вплотную приводит к третьему требованию «коперниканской» логики анализа человека. Это требование заключается в *выделении таких системообразующих оснований, которые бы обеспечивали развитие личности и способствовали бы раскрытию ее конкретно-исторической специфики в той или иной культуре.*

В русле конкретно-научной методологии изучения психических явлений в качестве системообразующего основания, обеспечивающего приобщение человека к миру культуры и его саморазвитие, выступает *совместная предметная деятельность*².

*

Обозначенные выше положения полисистемного анализа человека лежат в основе историко-эволюционного подхода к пониманию личности. Постановка в контексте историко-эволюционного подхода вопросов о том, для чего нужна личность и в чем необходимость возникновения феномена личности в развивающихся социокультурных системах, приводит к разведению двух различных тенденций в психологии личности — феноmenoграфической и историко-эволюционной.

Феноmenoграфическая тенденция в изучении личности ограничивается перечислением, различных черт, типов высшей нервной деятельности, склонностей, переживаний, способностей и мотивов, отличающих одного человека от другого. Такие представители разных направлений дифференциальной психологии, как Р. Кэттел, Н. Айзенк и Дж. Гилфорд, словно включались в игру «А кто больше?», создавая списки «Описательных переменных», «факторов», «параметров» личности, в которые на равных правах входят циклотимия, богемность, практичность, конформность, эмоциональность, общительность, серьезность и т. д. до 171 «описательной переменной» (Р. Кэттел) За такого рода исследованиями индивидуальных различий личности без труда просматривается заимствованная из естественных наук объектная парадигма анализа человека, описывающая его в психологических характеристиках точно так же, как и в физических. Эта объектная парадигма, превращающая человека в изолированный «объект с различными свойствами», существенно преобразуется, когда психологи переходят к субъектной парадигме анализа индивидуальных различий и конструируют методические процедуры, учитывающие активность личности, деятельностьную природу человека (см. А. Г. Шмелев, 1982). Однако как для «объектной», так и для «субъектной» парадигм анализа индивидуальных различий общим знаменателем остается то, что в их рамках даже не ставится вопрос о том, чем вызвана к жизни удивительная вариативность личности, разнообразие ее черт. Иными словами, в контексте феноmenoграфической ориентации изучения личности, ее индивидуальных

различий исследователи ограничиваются постановкой вопросов, «как происходит явление» и «почему происходит явление». При решении первого вопроса главным занятием психологии становится кропотливое описание и коллекционирование индивидуальных различий личности. Решая второй вопрос, исследователи сосредоточивают внимание на механизмах функционирования личности, стоящих за описанными феноменами. Вопрос же о том, «ради чего» возникает явление, в чем его эволюционный смысл, не ставится как методологическая проблема.

Подобное пренебрежение решением вопроса об эволюционном, смысле личности в современной психологии было бы полностью оправданным в том случае, если бы факты возникновения личности, индивидуальных различий между людьми и закономерности эволюционного процесса развития человеческого вида и рода были совершенно не связаны между собой. Но являются ли проявления вариативности в онтогенезе любого биологического организма и эволюция его вида двумя независимыми рядами? Вполне определенный отрицательный ответ на этот лобовой и наивный для каждого эволюциониста вопрос дает замечательный отечественный психолог В.А. Вагнер [11].

На основе анализа соотношения индивидуальных и видовых психических способностей, прежде всего индивидуальной и видовой одаренности у разных биологических видов, В.А. Вагнер обнаруживает закономерность, которую мы, опираясь на его наблюдения, могли бы сформулировать следующим образом: чем выше развито то или иное сообщество, тем больше вариативность проявлений входящих в это сообщество особей. Так, колебания индивидуальных различий в одаренности у низших животных, ведущих одиночный образ жизни, очень незначительны. «У животных, ведущих стадовожаческую жизнь, в которой опасности, угрожающие составляющим стадо особям, легче предупреждаются, чем в условиях одиночного образа жизни, — роль естественного отбора становится менее суровой и незначительные отклонения уже им не устраняются. В результате получаются отклонения от типа видовой одаренности. Как бы ни были они незначительны, их наличие представляет собою явление огромного принципиального значения: мы здесь впервые встречаемся с явлениями не видовой, а индивидуальной одаренности» [11; 35]. Далее В.А. Вагнер, сопоставляя колебания в индивидуальной одаренности с изменением усложнения сообществ разных видов в процессе эволюции, показывает, что эти колебания все возрастают, достигая апогея у человека. Из этих наблюдений явно вытекает факт наличия взаимосвязи между вариативностью психических способностей индивида и эволюцией вида, а тем самым оправдывается постановка проблемы об эволюционном смысле возникновения личности, выявлении ее роли в естественноисторическом процессе развития общества.

Для того чтобы наметить перспективы решения вопросов о необходимости возникновения личности в развивающихся социокультурных системах, значении социотипичных и индивидуальных проявлений личности в жизни этих систем, механизмах самодвижения личности в системе общественных отношений, нами будут выделены и раскрыты три основных предпосылки историко-эволюционного подхода к пониманию личности в психологии.

Специально отметим, что эти предпосылки в первую очередь затрагивают те сквозные эволюционные закономерности социогенеза личности, которые с позиций системного подхода могут быть охарактеризованы как некоторые общие функциональные константы для разных исторических эпох (см. [19; 110]). Если в исследованиях ряда социологов и историков все усиливается тенденция к изучению человека как субъекта истории в различных общественно-экономических формациях и культурах (см., например, С.С. Батенин, 1976; А.Я. Гуревич, 1984; Г.Г. Дилигенский и др., 1985; Г.Г. Квасов, 1985; И.С. Кон, 1984), то в психологии после работ о социогенезе поведения личности Б.Г. Ананьева (1930), о культурно-психологическом развитии Л.С. Выготского,

А.Р. Лурия (1930) и эволюции психики А.Н. Леонтьева (1947) наступило многолетнее затишье в разработке вопросов социогенеза личности, изредка нарушаемое такими эпизодическими междисциплинарными исследованиями, как «История и психология» (Б.Ф. Поршнев, Л.И. Анцыферова, 1971). Симптомами недостаточной разработанности в психологии представлений о личности как активном компоненте различных эволюционирующих систем являются также затянувшиеся муки рождения исторической психологии³ и этнопсихологии, преобладание лишенных экологической валидности лабораторных методик и тестов изучения личности над исследованиями личности в конкретно-исторической социальной ситуации развития. Подобное положение дел наглядно свидетельствует о необходимости анализа социогенеза личности в ходе эволюции общества, об обязательном изучении специфических механизмов социогенеза личности в истории разных общественно-экономических формаций и в разных культурах нашего времени. Но приблизиться к разработке представлений о специфических механизмах присвоения и обогащения личностью общественно-исторического опыта вряд ли возможно, минуя этап выделения общесистемных закономерностей социогенеза личности в естественноисторическом процессе развития общества, т. е. выделения трех предпосылок историко-эволюционного подхода к личности, о которых далее пойдет речь.

*

Предпосылка 1. Эволюция любых развивающихся систем предполагает взаимодействие двух противоборствующих тенденций — тенденции к сохранению и тенденции к изменению данных систем.

Так, в биологических системах наследственность выражает общую тенденцию эволюционирующей системы к ее сохранению, к передаче без искажений информации из поколения в поколение, а изменчивость проявляется в приспособлении различных видов к среде обитания. Ф. Энгельс характеризует наследственность как консервативную положительную, а приспособление, тенденцию к изменению системы — как революционирующую отрицательную стороны процесса развития [1; 634]. В социальных системах тенденция к сохранению проявляется в социальном наследовании⁴, в преемственности таких типичных форм культуры и социальной организации, которые обеспечивают адаптацию данной системы к тем или иным уже встречавшимся в ходе ее эволюции ситуациям. Изменчивость же выступает в различных нестандартных, нестереотипизированных приспособлениях системы к непредсказуемым: переменам ситуации, в поиске новой информации о среде существования и в построении целесообразного поведения в этой среде. Индивидуальная изменчивость тех или иных элементов системы представляет собой условие для исторической изменчивости систем в целом. Идея об индивидуальной изменчивости элементов системы как основе исторической изменчивости популяций, в наиболее явной форме высказанная в биологии И.И. Шмальгаузенем, отражает универсальную закономерность развития любых систем. В качестве элементов, несущих индивидуальную изменчивость, могут выступить индивид — в системе биологического вида; член племени — в системе этнической общности; представитель класса — в системе общественно-экономической формации;

последователь научной школы — в системе профессионального научного сообщества и т.п. Человек, включаясь в каждую из этих систем, наследует типичные для них системные качества (см. [19]) и одновременно выступает как потенциальный носитель исторической

изменчивости этих систем в целом. Именно типичные родовые системные качества человека, выражающие тенденцию эволюционирующей системы к сохранению, стоят, на наш взгляд, за различными проявлениями активности субъекта — стереотипами поведения, репродуктивным мышлением, привычками, установками, — характеризуемыми в психологии как адаптивные; вариативные, уникальные качества человека, выражающие тенденцию к изменению, проявляются в многообразных формах активности субъекта — ориентировке внимания на новизну, творчестве, самореализации личности, — описываемых как продуктивные типы активности (А.М. Матюшкин, 1982). В контексте историко-эволюционного подхода к пониманию личности необходимо подчеркнуть, что эволюционный смысл адаптивных типов активности не сводится к поддержанию равновесия со средой, гомеостаза, выживания. Главным критерием адаптации, по мысли И.И. Шмальгаузена, является не только и не столько фактическое выживание индивида в данной конкретной среде, сколько обеспечение преемственности существования индивида — его жизни в ряду будущих поколений [18].

В дальнейшем изложении основное внимание будет уделено анализу соотношения социально-типических системных качеств личности и системно-специфических качеств личности как индивидуальности в процессе эволюции социальных общностей. Вводя указанное разграничение, мы имеем в виду прежде всего различные уровни анализа процесса вхождения личности в систему общественных отношений, сложившиеся в психологии, а не резкое рассечение в онтологическом плане реального человека на две формы его организации [6]. В теоретическом же плане разведение понятий «личность» и «индивидуальность» представляется не только оправданным, но, как это подчеркивается Б.Ф. Ломовым, весьма своевременным: «...В психологии... гораздо меньшее внимание уделяется проблеме индивидуальности. Между тем, если личность — это преимущественно проблема общественных наук, имеющая, конечно, и психологические аспекты, то проблема индивидуальности, в первую очередь, проблема психологии...» [22; 379]. В философии сходные идеи о соотношении понятий «личность» и «индивидуальность» высказываются И.И. Резвицким. Он подвергает обоснованной критике сведение сущности понятия «индивидуальность» к набору формальных признаков — неповторимости, единичности, обособленности, индивидуальным различиям [27; 32].

Далее, говоря о проявлениях в поведении человека усвоенных им в ходе социализации ролей, стереотипов и ценностей, характеризующих его как типичного представителя той или иной конкретно-исторической социальной общности, мы будем пользоваться термином «личность как социальный тип». Говоря же о проявлениях человека как субъекта деятельности в различных непредсказуемых проблемно-конфликтных ситуациях, преодолеть которые с помощью ранее усвоенного ролевого шаблонного поведения представляется невозможным, мы будем употреблять термин «личность как индивидуальность». Вводя такое разграничение, мы вполне отдаем себе отчет в том, что в ходе онтогенеза непрерывно осуществляется индивидуализация социально-типических качеств человека, их преобразование в личностно-смысловые проявления его индивидуальности⁵. Однако

введение этого разграничения представляется необходимым по целому ряду соображений. Оно позволяет более выпукло отразить существующие в неразрывном единстве тенденции к сохранению и изменению, присущие жизнедеятельности человека как элемента различных развивающихся систем. Благодаря указанному пониманию терминов «личность как тип» и «личность как индивидуальность» также удастся связать социально-типические проявления человека с реализацией родовой социально унаследованной программы социальной общности и одновременно выделить неповторимые личностно-смысловые проявления человека, обеспечивающие в конечном счете историческую изменчивость этой

общности. И, самое главное, оно помогает понять эволюционный смысл индивидуальности личности, увидеть за проявлениями индивидуальности потенциальные возможности бесконечных линий творческого эволюционного процесса жизни. Анализ природы индивидуальности личности, ее функционального значения в эволюционном процессе приводит к выделению предпосылок историко-эволюционного подхода к личности, касающихся вопросов о саморазвитии различных систем и о соотношении родовой адаптивной стратегии развития этих систем с неадаптивной стратегией развития их элементов, несущих индивидуальную изменчивость.

Предпосылка 2. В любой эволюционирующей системе функционируют избыточные неадаптивные элементы, относительно независимые от регулирующего влияния различных форм контроля и обеспечивающие саморазвитие системы при непредвиденных изменениях условий ее существования.

В эволюционирующих системах существуют различные виды активности включенных в эти системы элементов, которые непосредственно не приводят к адаптивным прагматическим эффектам, удовлетворяющим нужды данных систем и обеспечивающим их сохранение, устойчивость.

Ярким примером проявления филогенетических зачатков возникновения неадаптивной активности в биологических системах являются игры животных. Разные биологи и этологи словно соревнуются между собой, стремясь предлагаемыми ими характеристиками игры подчеркнуть ненужность этого вида поведения животных для биологической адаптации. Игровое поведение животных называют «избыточным», «мнимым», «действиями вхолостую», «вакуумной активностью» и т.п. И действительно, игровая активность не влечет за собой прямого адаптивного эффекта. Но именно в силу этой особенности игровой активности в ней оттачиваются унаследованные формы поведения до того, как они предстанут перед судом естественного отбора (см. [30]). Таким образом, игра животных создает наибольшие возможности для «безнаказанного» проявления индивидуальной изменчивости организма, а, тем самым, накопления опыта действия при переменах условий существования данного биологического вида.

Уникальный материал для понимания эволюционного смысла неадаптивных социальных действий в истории разных культур приводится в классических трудах М.М. Бахтина о карнавальной культуре, исследованиях Д.С. Лихачева смеховой культуры древней Руси и цикле работ Ю.М. Лотмана по типологии культуры. В этих работах с предельной отчетливостью выступают две черты неадаптивных карнавальных или смеховых социальных действий: а) смеховые социальные действия, поступки шута или юродивого дозволены в эволюционирующей системе данной культуры и относительно независимы от социального контроля, корригирующего отклонения от свойственных этой культуре социальных нормативов; б) в смеховых социальных действиях подвергаются сомнению социально унаследованные, типичные для данной культуры формы отношений, и осуществляется поиск иных вариантов развития культуры, строится иная желаемая действительность. Смеховые социальные действия позволяли в рамках средневековой культуры одновременно практиковать поведение, квалифицируемое и как грешное, недозволенное, и как дозволенное [25]. Различная природа и эволюционный

смысл адаптивных и неадаптивных социальных действий в развивающейся культуре средневековья наглядно выступают в сопоставлении М.М. Бахтиным официального праздника и карнавала. Впоследствии эти идеи М.М. Бахтина были включены в контекст семиотической концепции культуры Ю.М. Лотмана, специально подчеркнувшего, что каждая культура как саморазвивающаяся система должна быть оснащена «механизмами для выработки неопределенности». Благодаря внесению неопределенности в строго детерминируемую систему культуры, данная культура приобретает необходимый резерв

внутренней вариативности, становится более чувствительной и подготовленной к преобразованию в ситуациях тех или иных социальных кризисов [25]. Если мы взглянем через призму этих представлений на социальные карнавальные и смеховые действия, деяния еретиков, феномен странных «лишних людей», то увидим, что подобного рода неадаптивные, кажущиеся избыточными для адаптивного функционирования социальной общности акты — обязательное условие исторической изменчивости этой общности, ее эволюции. Так, эволюционный смысл смеховых социальных действий прямо указан Д.С. Лихачевым: «...Смех созидает мир антикультуры. Но мир антикультуры противостоит не всякой культуре, а только данной... Тем самым он готовит фундамент для новой культуры... В этом великое созидательное начало смехового мира» [21; 3]. Смеховые социальные действия словно заботятся о том, чтобы культура не зашла в своем развитии в тупик, не достигла состояния равновесия, равносильного неподвижности и смерти. Они создают неустойчивый нелепый мир «спутанной знаковой системы», в котором царят небылицы, небывальщины, а герои которого совершают неожиданные, непредвиденные поступки. Раскрывая историко-культурный эволюционный смысл феномена «дурака», Д.С. Лихачев замечает: «Что такое древнерусский дурак? Это часто человек очень умный, но делающий то, что не положено, нарушающий обычай, приличие, принятое поведение, обнажающий себя и мир от всех церемониальных форм...» [21; 15]. Деяния еретиков, как и социальные смеховые действия шутов, также вносят неопределенность в культуру, лишают ее устойчивости и тем самым дают прорваться тенденции к изменению социальной общности. Но в отличие от смеховых социальных действий эти деяния подпадают под элиминирующее влияние социального контроля. Предлагаемые ими варианты эволюции культуры не вписываются в систему, а поэтому пресекаются или рационализируются ею. Интересно, что при рационализации деяний «лишних людей» их часто стремятся отнести к разряду социальных смеховых действий, охарактеризовать их как «ненастоящие», шутовские, а следовательно, дозволенные. Так, например дворянским сообществом объявляются «безумными», «шутовскими» поступки Чаадаева (прототип Чацкого), подвергнувшего критике официально существующую систему правления. За феноменом «лишнего человека» Чаадаева, как индивидуальности, стоит зародыш новой линии развития культуры, предвестник будущих революционных преобразований. Однако эволюционное значение индивидуальности «лишнего человека» в том и состоит, что она несет такой вариант развития культуры, который в настоящий момент ее существования не принимается ею, а в ряде случаев — элиминируется. Описанный круг проявлений неадаптивной активности личности как субъекта деятельности выступает как условие саморазвития системы, необходимый момент увеличения возможностей ее эволюции. Вместе с тем именно эти явления иллюстрируют, как это не покажется парадоксальным с первого взгляда, ограниченность рассмотрения деятельности субъекта как субстанции естественноисторического процесса⁶.

В русле психологической науки ключом к пониманию природы неадаптивных актов человека на уровне индивида как элемента популяции и на уровне индивидуальности как элемента социальных групп могут стать представления Д.Н. Узнадзе о функциональной тенденции как движущей силе развития поведения субъекта. Именно функциональная тенденция, по мысли Д.Н. Узнадзе, является источником таких форм поведения личности, как игра и творчество, подчиняющихся формулам «игра ради игры», «творчество ради творчества».

Идеи Д.Н. Узнадзе о функциональной тенденции как движущей силе развития индивида и личности могут служить теоретической основой для появившихся в последнее время исследований в биологии, в которых разрабатываются представления о неадаптивности поисковой активности, прямо не связанной с удовлетворением

витальных потребностей. «Уникальность потребности в поисковой активности заключается в ее принципиальной ненасыщаемости, ибо это потребность в самом процессе постоянного изменения. Отсюда вытекает ее биологическая роль для человека и животных. Поисковая активность — биологически обусловленная движущая сила саморазвития каждого индивида, и прогресс популяции в целом зависит от ее выраженности» [28; 41].

Дальнейшее углубление представлений о механизмах саморазвития деятельности на уровне поведения индивидуальности личности осуществляется в работах В.Г. Асеева (1978) и В.А. Петровского (1975). Так, В.Г. Асеев предполагает, что условием инициации развития является наличие некоторой неиспользованной резервной зоны функциональных возможностей, которые потенциально содержат в себе источник развития личности. В.А. Петровским на материале экспериментального анализа «бескорыстного риска» вводятся представления о «надситуативной активности» как источнике зарождения любой новой деятельности личности. С исследованиями надситуативной активности соприкасаются работы, в которых вводятся представления об установках как механизмах, определяющих устойчивость динамики деятельности личности, стабилизирующих ее развитие (А.Г. Асмолов, 1979). Если установки как бы пытаются удержать деятельность в заранее заданных границах, обеспечивая ее адаптивный устойчивый характер, то надситуативная активность, взламывая эти установки, выводит личность на новый продуктивный уровень решения жизненных задач. Противоречие между «надситуативной активностью» и установкой выступает в качестве одного из возможных механизмов микрогенеза деятельности личности (А.Г. Асмолов, В.А. Петровский, 1978).

Таким образом, на разных уровнях функционирования человека как элемента развивающихся систем — на уровне человека как индивида в биологической популяции, на уровне личности как индивидуальности в социальной общности — проявляются неадаптивные избыточные для этих систем формы активности, которые выражают тенденцию к их изменению и тем самым выступают как необходимый момент эволюционного процесса этих систем. В переломные периоды жизни развивающихся систем (биологические катаклизмы, социальные кризисы) значение неадаптивной активности входящих в эти системы элементов возрастает и приоткрывает ее эволюционный смысл. Так, например, кажущиеся излишними неадаптивные действия таких мыслителей, как Джордано Бруно, восходящих ради своих убеждений на костер, выступают как цена за адаптацию развивающейся социальной общности в целом, ее прогресс. В этой связи встает вопрос о судьбе неадаптивных актов и их результатов в процессе развития различных систем. Могут ли акты, несущие тенденцию к изменению системы, из неадаптивных переродиться в адаптивные? При каких обстоятельствах в процессе эволюции происходят подобного рода изменения функционального значения акта в развитии биологических и социальных систем? Отвечая на эти вопросы, обратимся к третьей

предпосылке историко-эволюционного подхода к пониманию личности.

Предпосылка 3. Необходимым условием развития различного рода систем является наличие противоречия (конфликта или гармонического взаимодействия) между адаптивными формами активности этих систем, направленными на реализацию их родовой программы, и проявлениями активности элементов этих систем, несущих индивидуальную изменчивость.

Из этой предпосылки историко-эволюционного подхода к личности вытекают следующие взаимодополняющие положения: а) противоречие между мотивами, деятельности индивидуальности, проявляющееся в виде конфликта или гармонического взаимодействия с основными идеалами и нормами социальной общности, может быть

разрешено либо посредством «вклада» мотивов индивидуальности, ее ценностей и продуктов деятельности в родовую программу системы, либо различных перестроек мотивов индивидуальности в процессе взаимодействия с социальной общностью. В том случае, если противоречие носит характер гармонического взаимодействия, «вклад» индивидуальности способствует дальнейшему прогрессу данной социальной общности. Если же противоречие выступает в виде конфликта, то вносимый индивидуальностью «вклад» может повлечь за собой перестройку родовой программы данной общности, привести к иному направлению эволюционного процесса этой системы; б) борьба индивидуальности личности за внесение своих «вкладов» в родовую программу общности, отстаивание индивидуальностью своих мотивов и ценностей осуществляется, как происходящая в процессе деятельности самореализация, которая приводит к дальнейшему развитию данной культуры или порождению в ходе преобразования действительности норм и продуктов новой культуры; в) неадаптивная активность индивидуальности перерождается в адаптивную активность по отношению к данной общности тогда, когда созданные этой активностью нормы и ценности становятся нормами и ценностями соответствующей культуры. При этом активность индивидуальности перестает нести функцию к изменению данной системы и начинает выполнять функцию ее сохранения, стабилизации. Например, деяния исторических личностей, провозглашающих новую веру, вначале порой подвергаются гонениям, так как они вносят смуту, неопределенность в культуру их времени. Однако в случае победы их веры, а тем самым их варианта эволюции культуры, высказываемые ими идеи порой возводятся в ранг эталонов, превращаются в стереотипы. В результате они становятся носителями функции к сохранению системы, начиная элиминировать или рационализировать проявления активности других индивидуальностей как выразителей иных линий эволюционного процесса.

Остановимся кратко на первом и втором положении. Прежде всего поясним, что стоит за представлениями о гармоническом взаимодействии между социальной общностью и индивидуальностью личности как членом этой социальной общности. Идея о гармонии противоположностей как движущей силе развития личности не нова. Она привлекалась Л.И. Анцыферовой (1978) для объяснения некоторых форм взаимодействия (или содействия) между различными компонентами психологической организации личности как самостоятельной системы, например гармонического противоречия между желаемым и достигнутым и т. п. В историко-эволюционном подходе к индивидуальности личности речь идет о гармоническом взаимодействии, возникающем в результате несовпадения между «только известными» идеалами и ценностями группы и идеалами, которые приобрели для члена этой группы личностный смысл, превратились в «значение-для-меня». Побуждаемая приобретенным личностным смыслом ценностями индивидуальность борется за то, чтобы эти ценности не только внешне признавались группой, но и реально побуждали совместную деятельность данной группы. Отстаивая эти ценности, индивидуальность как бы подталкивает группу к более быстрому продвижению, задает для нее «зону ближайшего развития».

Порой людям, проявляющим выходящую за пределы нормообразной ролевой деятельности активность, говорят: «Ну что, вам больше всех надо?» Для характеристики неадаптивной активности, направленной на снятие гармонического противоречия, на наш взгляд, было бы целесообразно использовать введенное в исследованиях А.В. Петровского и Р.С. Немова понятие «сверхнормативная активность». «Сверхнормативная активность выражается в поведении членов коллектива, соответствующих таким социальным ожиданиям, которые не могут быть им предъявлены как нормативные (обязательные к исполнению), но которые отвечают ценностям и идеалам общества, ради которого данная деятельность осуществляется» [24; 189]. Так, например, акты героизма выступают как

яркие проявления сверхнормативной активности, за которой стоит гармоническое взаимодействие между мотивами индивидуальности личности и идеалами социальной общности. Благодаря «вкладам», вносимым вследствие сверхнормативной активности в родовую программу социальной общности, эта программа эволюционирования данной культуры скорее претворяется в жизнь.

Положение о формировании личности как непрерывном выходе за пределы самого себя (С.Л. Рубинштейн, 1971), об отказе от традиционного для «птолемеевской» психологии понимания человека в пользу «коперниканского», ищущего «я» человека не под поверхностью кожи индивида, а в его бытии, во взаимодействиях людей в обществе (А.Н. Леонтьев, 1975) в последнее время воплощается в разрабатываемой А.В. Петровским (1982) и В.А. Петровским (1981) концепции «личностных вкладов». В этой концепции описывается неадаптивная активность индивидуальности, через которую индивидуальность продолжает себя в других людях, обретает в них вторую жизнь. Желая подчеркнуть непреднамеренный, не заданный заранее характер этой активности, авторы говорят о деяниях личности. Деяния выражают функцию системы к изменению, приводя порой к возникновению новых направлений в истории культуры. В деяниях происходит персонализация индивидуальности. В данном контексте предпочтительнее говорить не о персонализации, а об актуализации себя в других. Не «самоактуализация» в смысле экзистенциалистской гуманистической психологии А. Маслоу и Г. Олпорта, а актуализация себя в других людях и продуктах культуры представляет собой основной путь развития индивидуальности личности. Индивидуальность личности, являющаяся продуктом актуализации себя в других, столь же резко отличается от индивидуалистичности, как деяния горьковского Данко, обретшего бессмертие в других людях, отличаются от приспособленчества чеховского «человека в футляре», полностью отгородившегося от мира. Каждая личность как субъект деятельности, как индивидуальность может осуществить посредством деяний личностные вклады. Что же касается деяний тех личностей, которых представители гуманистической психологии называют «растущей верхушкой общества», то все это не исключения, а лишь те случаи, в которых самоотдача индивидуальности, ее вклад в культуру проявляются особенно ярко. Деяния декабристов, вышедших на Сенатскую площадь, деяния таких мыслителей, как Джордано Бруно, всегда идущие вопреки адаптивным побуждениям индивида и прагматическим интересам личности, более заметны, но по своей психологической природе вряд ли отличны от будничной повседневной работы революционеров, которые отдали свою жизнь ради рождения нового общества.

В естественноисторическом процессе развития общества, прогрессе общества ценность проявлений личности как индивидуальности возрастает. Так этнографами, например, показывается, что в традиционных архаических культурах преобладают социально-типические стереотипизированные формы поведения личности. В этих культурах мотивация поступков личности ограничивается ссылкой на законы предков — «так было раньше», а само поведение личности жестко регламентируется ритуалами. Основная функция ритуала в подобных

культурах, как это отмечает А. Г. Байбурин, заключалась в том, что «ритуал стоял «на страже» традиции, восполняя всевозможные потери и исправляя искажения, с одной стороны, и не допуская ничего нового в контролируемую сферу — с другой. Исключительная важность подобной проверки объясняется тем, что для так называемых традиционных обществ цельность, неизменность и равновесие были заменой прогресса» [7; 45]. Сколь разителен контраст этих обществ в исторической перспективе с тем кульминационным пунктом человеческой истории, в котором ценность индивидуальности личности, ее инициатива, творчество становится неотъемлемым компонентом образа жизни

человека, социалистического образа жизни. В условиях развитого социализма человек не исчезает, как лицо, начертанное на прибрежном песке, а, напротив, представляет фундаментальную ценность социалистического общества, на знамени которого начертано «Все во имя человека, все для блага человека!».

*

Коперниканское полисистемное понимание человека как активного компонента тех или иных развивающихся социальных общностей приводит к постановке вопроса о необходимости возникновения феномена личности и его значении в естественноисторическом процессе развития общества. Попытка ответить на этот вопрос предпринимается в историко-эволюционном подходе к личности, который показывает необходимость возникновения феномена личности, являющегося обязательным условием исторической изменчивости общества, его прогресса; очерчиваются механизмы, посредством которых взаимодействуют и переходят друг в друга выражающиеся тенденции к сохранению и изменению эволюционирующих систем адаптивные стереотипизированные и неадаптивные продуктивные проявления деятельности личности. Эволюционный смысл индивидуальности личности как субъекта деятельности, ее поступков и деяний состоит в том, что за проявлениями индивидуальности личности выступают потенциальные возможности творческого процесса развития культуры. Дальнейшая разработка историко-эволюционного подхода к личности предполагает переход от анализа общесистемных закономерностей социогенеза личности к изучению конкретно-исторических механизмов социализации личности в трех взаимодополняющих измерениях — в истории различных общественно-исторических формаций, в культурах разных народов и в истории жизненного пути человека, а тем самым интенсификации исследований в исторической психологии, этнопсихологии и общей психологии развития личности. Подытоживая только обозначенные в этой статье контуры историко-эволюционного подхода к пониманию личности, мы могли бы выразить соотношения между индивидуальными свойствами человека, социально-типическими проявлениями личности и проявлениями индивидуальности личности как субъекта деятельности следующим образом: «Индивидом рождаются. Личностью становятся. Индивидуальность отстаивают».

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23.
3. Алексеев В.П. Становление человечества. М., 1984.— 462 с.
4. Асмолов А.Г. Деятельность и установка. М., 1979. — 151 с.
5. Асмолов А.Г. Основные принципы психологического анализа в теории деятельности // Вопр. психол. 1982. № 2. С. 14—27.
6. Асмолов А.Г. Личность как предмет психологического исследования. М.: Изд-во МГУ, 1984. — 104 с.
7. Байбурин А.Г. Этнические аспекты изучения стереотипных форм поведения и традиционная культура // Сов. этнография. 1985. № 2. С. 36—46.
8. Батенин С.С. Человек в его истории. Л., 1976. — 296 с.
9. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса.. М., 1965. — 527 с.
10. Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М., 1966. — 351 с.
11. Вагнер В.А. Возникновение и развитие психических способностей. Эволюция психических способностей по чистым и смешанным линиям. Вып. 7. Л., 1928. — 50 с.
12. Варшавский В.А., Поспелов Д.А. Оркестр играет без дирижера. Размышления об эволюции некоторых технических систем. М., 1984. — 208 с.

13. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. — 350 с.
14. Деятельностный подход. Деятельность. Личностный смысл. Социогенез (в психологии) // Краткий психологический словарь / Под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1985. С. 84—86, 164—165, 335—336.
15. Дилигенский Г.Г. Марксизм и проблемы массового сознания // Вопр. философ. 1983. № 11. С. 3—15.
16. Квасов Г.Г. Диалектика развития личности в социалистическом обществе. М., 1985. — 231 с.
17. Ковальзон М.Я. Материалистическое понимание истории и деятельность проблематика // Вопр. философ. 1985. № 3. С. 33—36.
18. Кон И.С. В поисках себя. Личность и ее самосознание. М., 1984. — 335 с.
19. Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1980. — 231 с.
20. Кузьмин В.П. Исторические предпосылки и гносеологические основания системного подхода // Психол. журн. 1982. Т. 3. № 3. С. 3—14; № 4. С. 3—14.
21. Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. — 296 с.
22. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984. — 445 с.
23. Лотман Ю. М. Типология культуры. Тарту, 1970. — 106 с.
24. Немов Р.С. Социально-психологический анализ эффективной деятельности коллектива. М., 1984. — 201 с.
25. Петровский А.В. Личность. Деятельность. Коллектив. М., 1982. — 256 с.
26. Петровский В.А. К пониманию личности в психологии // Вопр. психол. 1981. № 2. С. 40—56.
27. Резвицкий И.И. Личность. Индивидуальность. Общество. М., 1984. — 141 с.
28. Ротенберг В. С. Адаптивная функция сна. М., 1982. — 176 с.
29. Социальная психология классов. Проблемы классовой психологии в современном капиталистическом обществе. М., 1985. — 293 с.
30. Фабри К. Э. Основы зоопсихологии. М., 1976. — 287 с.
31. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977. — 488 с.
32. Шмальгаузен И.И. Пути и закономерности эволюционного процесса. Избранные труды. М., 1983. — 359 с.

Поступила в редакцию 24. IV 1985 г.

¹ В данном контексте под социогенезом понимается происхождение и развитие психических процессов, личности, межличностных отношений, обусловленное особенностями социализации в разных культурах и общественно-экономических формациях. Разработка проблем социогенеза представляет собой одно из направлений воплощения принципа историзма в общей психологии личности (см. [14; 335—336].)

² Понимание используемых в данной статье понятий «деятельностный подход», «деятельность» и взаимоотношений между уровнями общенаучной системной и конкретно-научной деятельностной методологии изучения личности приведено в [5], [6], [14; 84—86].

³ Пока единственным выполненным в последние годы с общепсихологических позиций монографическим исследованием по исторической психологии, направленным на реконструкцию личностного склада исчезнувших с лица земли поколений, является монография И.Г. Белявского, В.А. Шкуратова «Проблемы исторической психологии» (1982).

⁴ Термин «социальное наследование» активно используется известным советским генетиком Н.П. Дубининым для того, чтобы подчеркнуть принципиальные отличия процесса присвоения общественно-исторического опыта от генетических закономерностей в биологии и, что особенно важно, обратить внимание на воздействие социального наследования на биологическое развитие человека (Н.П. Дубинин, 1983; см. также об этой проблеме А.З. Кукаркин, 1985).

⁵ Анализ механизмов развития и функционирования индивидуальности личности как субъекта деятельности — личностного выбора, использования ролей как средств овладения своим поведением, самореализации как нормотворчества, социогенетических истоков защитных механизмов, генезиса характера — дается в разработанных нами представлениях о мотивационно-смысловых динамических образованиях личности, предмете психологии личности в целом [6].

Здесь же главное внимание уделено функциональному значению индивидуальности личности в историко-эволюционном процессе развития той или иной социальной общности.

⁶ В этом плане уместно напомнить мысль М.Я. Ковальзона о том, что «...решающая роль в истории принадлежит деятельности людей *только при наличии объективных условий* (курсив наш.— А. А.). Если же теория и практика игнорируют объективные детерминанты деятельности, тогда героические усилия миллиарда людей дают не десять тысяч лет счастья за десять лет труда, а экономический и социальный хаос» [\[17; 35\]](#).